Дата поступления рукописи в редакцию: 11.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-144-146

ЗАХАРОВ Константин Алексеевич,
аспирант департамента права
Московского городского педагогического университета,
e-mail: K.zaharov76@bk.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТА КАК НЕПОИМЕНОВАННОГО СПОСОБА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ПОДРЯДНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Аннотация. *В данной статье рассмотрено понятие смарт-контракта и возможное использования смарт-контракта как способа обеспечения подрядного обязательства, а также системное понимание природы смарт-контрактов, его место среди классических институтов гражданского права и особенности его применения.*

Ключевые слова: *смарт-контракт, договор подряда, способ обеспечения исполнения обязательства.*

ZAKHAROV Konstantin Alekseevich,
Postgraduate student at the Department of Law
of Moscow City Pedagogical University

PROSPECTS FOR THE APPLICATION OF SMART CONTRACTS AS AN UNSPECIFIED METHOD OF ENSURING THE FULFILLMENT OF CONTRACTUAL OBLIGATIONS

Annotation. *His article examines the concept of a smart contract and the possible use of a smart contract as a means of securing a contractual obligation. It also provides a systematic understanding of the nature of smart contracts, their place among classical institutions of civil law, and the specifics of their application.*

Key words: *smart contract, contract agreement, a way to ensure the fulfillment of obligations.*

Конструкция смарт-контрактов является наиболее инновационной новеллой современной цивилистики и результатом конвергенции достижений технических и юридических наук. Понятие смарт-контракта может быть истолковано как в техническом, так и в юридическом понимании: смарт-контракт как код на языке программирования и смарт-контракт как юридически значимое соглашение. Смарт-контрактом является имеющее юридическую силу соглашение, реализованное в форме компьютерного кода с функцией автоматического исполнения [1].

Одной из ключевых догматических проблем, связанных с смарт-контрактами, является вопрос определения места смарт-контракта в системе институтов гражданского права. Наиболее широко в литературе представлены точки зрения, что смарт-контракт является (а) формой сделки, т.е. формой выражения и фиксации волеизъявления; (б) способом исполнения обязательства; (в) способом обеспечения исполнения обязательства; (г) отдельным видом гражданско-правового договора; (д) типовой (специальной) договорной конструкцией; (е) институтом особого рода.

На наш взгляд, наиболее обоснованным является рассмотрение смарт-контракта в качестве способа исполнения обязательства, подразумевающей его заключение в цифровой среде и запрограммированное автоматическое исполнение подрядного обязательства при наступлении факторов, инициирующих алгоритм. Будучи способом исполнения, смарт-контракт может охватывать любые подходящие по характеристикам

консенсуальные виды договоров, не предполагающие существенного усмотрения сторон в ходе исполнения и не требующие государственной регистрации самого договора или перехода титула (договоры купли-продажи, оказания услуг, кредитования и т.д.).

Конструкция смарт-контракта позволяет сторонам воспользоваться рядом существенных преимуществ. В их числе (а) снижение транзакционных издержек на оплату услуг посредников, бумажный документооборот, транспортные и командировочные расходы; (б) ускорение процесса обмена данными и исполнения соглашения; (в) укоренение правовой определенности и безопасности в связи с затруднительностью какого-либо одностороннего влияния со стороны контрагента или третьих лиц на содержание смарт-контракта в блокчейне после его формирования; (г) автоматизация исполнения, а значит существенное снижение рисков оппортунистического поведения контрагента, а также уменьшение риска сговора или угроз в адрес правоприменителя, создания подложных доказательств и так далее; (д) ясность и лаконичность содержания договора, выраженного на языке программирования, снижение двусмысленности и простая форма изложения, что уменьшает вероятность споров о толковании смарт-контракта; (е) в ряде случаев – анонимность смарт-контрактов, отсутствие у какой-либо из сторон большей переговорной власти, доверие к контрагенту заменяется на доверие к коду; (ё) способствование становлению и развитию новых бизнес-проектов в цифровой среде.

Основными квалифицирующими признаками смарт-контракта как института гражданского права являются цифровое воплощение; составление на одном из языков программирования; применимость к нему конструкции договора присоединения, а также положений об обусловленном исполнении обязательств; повышенный уровень правовой определенности в связи со строгой формальностью семантики языков программирования; направленность исполнения на активные действия (распоряжение активом), а не на запрет определенного поведения; автоматическая исполнимость без дополнительного волеизъявления сторон [2].

«Функционал смарт-контрактов, позволяет данной конструкции применяться к широкому кругу договорных правоотношений том числе и к договору подряда. Кроме того, он отвечает существующему среди участников гражданского оборота запросу на цифровизацию и диджитализацию, внедрение инновационных подходов в коммерческую деятельность. Инструментарий смарт-контракта как типовой конструкции позволяет опосредовать практически любой из поименованных в гражданском законодательстве договоров и может применятся как один из способов обеспечения исполнения обязательства» [1].

Во-первых, договор должен быть консенсуальным, т.е. он должен считаться заключённым с момента согласования всех существенных условий, а не с момента начала исполнения. Это связано с тем, что смарт-контракт предполагает сначала составление обязательного для сторон кода, затем мониторинг наступления инициирующих событий. Реальные договоры, в свою очередь, не нуждаются в данных неизбежных для смарт-контракта этапах.

Во-вторых, договор должен содержать фиксированные, заранее определенные условия, не допускающие существенного усмотрения сторон в ходе исполнения.

В-третьих, смарт-контракт в рамках текущего регулирования не может опосредовать договорные отношения, требующие государственной регистрации самого договора или перехода права, поскольку для этого отсутствует правовая и техническая база [3].

Исполнение смарт-контракта в наиболее общем виде проходит следующие стадии: активация кода сторонами, мониторинг инициирующих факторов, автоматическое произведение исполнения в случае их обнаружения. Исполнение смарт-контрактов отличается гарантированностью и неизбежностью, сторонам доступна лишь корректировка исполнения ex post вне рамок смарт-контракта.

Наиболее оптимально конструкция смарт-контрактов подходит для опосредования сделок с неовеществленными активами в связи с меньшими транзакционными издержками на исполнение. В то же время, с развитием технологий и удешевлением инструментария, необходимого для исполнения (датчиков, оборудования и т.д.) применение смарт-контрактов возможно и в сфере подрядных обязательств.

Более того, помимо традиционных сфер наблюдается тенденция на возникновение все более амбициозных проектов, связанных с обращением к смарт-контрактам. Отмечается, что компания JP Morgan запустила пилотный проект «блокчейн в космос». На данном этапе смарт-контракты в его рамках используются для простых транзакций - тестовой передачи токенов между спутниками без «земного» вмешательства и контроля. При этом в дальнейшем, как предполагается, данный инструментарий будет использован для оказания взаимных услуг между спутниками, таких как передача изображений, данных об угрозах и так далее. Таким образом, предпринимаются попытки внедрить смарт-контракты в малодоступные для традиционных договорных конструкций сферы, например, для совершения

сделок по передаче информации между спутниками различных стран, и, потенциально, между частными и государственными спутниками.

Опциональный этап развития правоотношения – привлечение к ответственности за нарушение обязательства – встречается в смарт-контрактах реже, чем в традиционных институтах гражданского права в связи с неизбежностью исполнения. В то же время, не исключены требования, вытекающие из осуществления ненадлежащего исполнения и из причинения вреда в ходе исполнения. На основании принципа обеспечения восстановления нарушенных прав, подобные нарушения в том числе в рамках смарт-контрактов должны влечь имущественную ответственность. Кроме того, поскольку кодовое выражение смарт-контракта зачастую разрабатывается по заказу внешними специалистами, возможно привлечение к договорной и деликтной ответственности также разработчиков кода в случае обнаружения ошибок в алгоритме.

Особое внимание необходимо уделять анализу двух практико-ориентированных проблем, связанных с обращением к смарт-контракту: во-первых, сложности интерпретации кода смарт-контракта, во-вторых, риски, возникающие в связи с заключением смарт-контракта потребителем.

Таким образом, смарт-контракты предлагают участником подрядных обязательств ряд неоспоримых преимуществ, однако сопровождают их некоторыми рисками. При общей полезности и эффективности данной конструкции, сторонам следует в каждом конкретном случае в зависимости от их нужд и ожиданий определять, когда следует обратиться к ней, а когда к классическим способам исполнения обязательств.

Список литературы:

[1] Захаров, К. А. Смарт-контракт как одна из обеспечительных мер в договоре строительного подряда / К. А. Захаров // Право виртуальных миров: вчера, сегодня, завтра: сборник материалов II Межвузовской научно-практической конференции, Москва, 18 октября 2025 года. – Саратов: Саратовский источник, 2025. – С. 45-48. – EDN HYEGEZ.

[2] Патлаенко, А.П. Правовые механизмы реализации технологии смарт-контрактов в гражданском обороте / А.П. Патлаенко. - М.: Юстицинформ, 2023. С248

[3] Чурилов, А.Ю. К проблеме понятия и правовой природы смарт-контракта / А.Ю. Чурилов – Текст: непосредственный // Юрист. - 2020. - № 7. – С.130-135

[4] Klass G. How to Interpret a Vending Machine: Smart Contracts and Contract Law (2023). Georgetown Law Faculty Publications and Other Works. 2433. P. 131-132. RL: https://scholarship.law.georgetown.edu/facpub/2433 (дата обращения: 21.02.2026).

[5] Longe O. Future of Law – Increasing Access to Justice through Technology. Technology, Innovation and Access to Justice: Dialogues on the Future of Law, edited by Siddharth Peter de Souza and Maximilian Spohr, Edinburgh University Press, 2021, pp. 54–68. URL: http://www.jstor.org/stable/10.3366/j.ctv1c29sj0.12. (дата обращения: 16.02.2026).

References:

[1] Zakharov, K. A. Smart contract as one of the interim measures in the construction contract/K. A. Zakharov//The right of virtual worlds: yesterday, today, tomorrow: collection of materials from the II Interuniversity Scientific and Practical Conference, Moscow, October 18, 2025. - Saratov: Saratov source, 2025. - S. 45-48. – EDN HYEGEZ.

[2] Patlaenko, A.P. Legal mechanisms for the implementation of smart contract technology in civil circulation/A.P. Patlaenko. - M.: Justicinform, 2023. S248

[3] Churilov, A.Yu. To the problem of the concept and legal nature of a smart contract/A.Yu. Churilov - Text: direct//Lawyer. - 2020. - № 7. - P.130-135

[4] Klass G. How to Interpret a Vending Machine: Smart Contracts and Contract Law (2023). Georgetown Law Faculty Publications and Other Works. 2433. P. 131-132. RL: https://scholarship.law.georgetown.edu/facpub/2433 (accessed on: 21.02.2026).

[5] Longe O. Future of Law – Increasing Access to Justice through Technology. Technology, Innovation and Access to Justice: Dialogues on the Future of Law, edited by Siddharth Peter de Souza and Maximilian Spohr, Edinburgh University Press, 2021, pp. 54–68. URL: http://www.jstor.org/stable/10.3366/j.ctv1c29sj0.12. (accessed on: 16.02.2026).